

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Отношение языка и культуры — очень древняя тема, столетиями разводившая по разным лагерям ученых и мыслителей. Одни из них, начиная с Платона, утверждали, что язык создает культуру, поскольку идеи заложены в нашей голове от рождения как прожилки в глыбе мрамора (Лейбниц), другие (Локк, Гумбольдт их последователи) считали, что язык — пассивное дитя культуры. Однако и сторонники первого взгляда, и их оппоненты всегда сходились на том, что они неразделимы. Язык не только испытывает на себе влияние культуры, но и совершенно непонятен без нее. «Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой. Общество, не имеющее представления о тесосфии, не нуждается в наименовании ее; туземцы, никогда не видевшие лошади и не слышавшие о ней, вынуждены были изобрести или заимствовать слово для именованья этого животного... » [1, 194].

Эти слова принадлежат американскому антропологу и лингвисту Эдуарду Сепиру, выдвигнувшему в 1920 — 30-х годах совместно с лингвистом Бенджаминем Уорфом знаменитую гипотезу о взаимоотношении языка и культуры. Ведущие лингвисты подчеркивают, что культура является ключом к пониманию и изучению языка, о чем свидетельствуют множество научных наблюдений. В частности, лексика, характеризующая быт, явления жизни и историю одной страны, часто не имеет точных эквивалентов в языке других народов. «Нет двух языков, которые до

такой степени схожи, что про них можно сказать: они отражают одну реальность. Мир, в котором существует тот или иной народ, отчетливо самобытен, и самобытность эту создает не только собственный набор ярлыков-названий» [1]. Один из сторонников концепции Сепира — Уорфа, известный русский переводовед В.Н.Комиссаров, также считал, что познание «не имеет объективного общечеловеческого характера: сходные явления складываются в различные картины из-за различий в мышлении...» [2].

Проблема соотношения языкового и этнокультурного сознания издавна привлекала внимание лингвистов, психологов и обществоведов. Ей посвящены многие труды как отечественных, так и зарубежных исследователей (Э.Сепир, Б.Уорф, А.А.Потебня, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров и др.). Значительное количество публикаций относительно данной проблематики, в свою очередь, позволило подготовить почву для создания теоретических основ современной лингвокультурологии, в частности, формирования и совершенствования понятийно-категориального аппарата и раскрытия глубинных связей между явлениями языка, сознания и культуры. Но, тем не менее, несмотря на определенные достижения в области понимания сущности лингвокультурологических явлений, целый ряд вопросов остается еще не решенным.

Сложность решения проблемы объясняется разногласиями ученых в трактовке самих понятий «язык» и «культура». Современной науке из-

вестно множество определений данных понятий. Само собой разумеется, что без осмысления каждого из этих феноменов нам не решить проблему взаимодействия явлений языка и культуры.

Первоначальное определение культуры в научной литературе принадлежит английскому этнографу Э. Тайлору, характеризующий культуру как некий комплекс, который включает в себя знания, верования, искусства, законы, мораль, обычаи и другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества [3, 13]. В настоящее время существует несколько подходов к пониманию и определению культуры, такие как описательный, деятельностный, нормативный, духовный, символический, типологический и др. В каждом из них есть свое рациональное содержание, выделяя определенные существенные черты понятия «культура» в зависимости от позиции исследователя. Неудивительно, что такое расхождение в подходах, изучение феномена под разными углами зрения приводят к различным результатам. И лишь исследование различных граней такого сложного явления как культура может дать нам целостное о ней представление.

Учитывая имеющийся разнобой в определениях, В.А.Маслова выдвигает рабочее определение данной сущности, согласно которому культура — это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая «живет» лишь в диалоге с другими культурами. Культура — это «свод «правил игры» коллективного существования, набор способов социальной практики, хранимых в социальной памяти коллектива, которые выработаны людьми для социально значимых практических и интеллектуальных действий» [3, 17-18].

Итак, культура не существует вне деятельности человека. Французский культуролог высказывает данную мысль следующим образом: «Культура — это специфика человеческой деятельности, что характеризует человека как вид. Напрасны поиски человека до культуры, появление его на арене истории надлежит рассматривать как феномен культуры. Она глубочайшим образом сопряжена с сущностью человека, является частью определения человека как такового». Человек и культура, как отмечает Ж.М.Бенуа, неразрывны, подобно растению и почве, на которой оно произрастает [4, 39].

Но человечество не является единым социальным коллективом. Проживание этнических обществ в различных условиях способствует выработке определенных специфических способов и форм жизнедеятельности, а, следовательно, и возникновению разных культур. При этом, как отмечает В.А.Маслова, культуры различных народов отличаются друг от друга в первую очередь не типом созерцательного освоения мира, а типом его материально-духовного присвоения, т.е. деятельностной, активной поведенческой реакцией на мир [3, 19]. Каждая культура воплощает в себя специфический набор способов социальной практики конкретного сообщества, нации.

Известно, что человек только тогда становится человеком, когда он усваивает с детства язык и вместе с ним и культуру народа. «Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по разному фиксирует в себе мир и человека в нем» [3, 3].

Понятийная сущность языка и его природа, как правило, рассматриваются с позиций функционального, системно-структурного, сравнительно-исторического языкознания, психолингвистики, социоллингвистики и прагматингвистики. Однако ни одна из этих наук не в состоянии изучить сущность имплицитных связей языка и культуры. В этом отношении необходима такая лингвокультурологическая теория, которая позволила бы разъяснить природу языковых явлений, связанных с механизмами, обеспечивающими действие человеческого фактора в языке. Причем важно учитывать не только внешние условия существования языка в обществе, но и внутренне обусловленные природой человека языковые способы и средства выражения всего того, что связано с деятельностью определенного этноязыкового коллектива. В этом отношении заслуживают особого внимания концепции культуры, построенные на информационно-деятельностном основании.

Целесообразность такого подхода объясняется изначальным содержанием слова «культура», возникшего на основе латинского слова *colere* в значении «возделывать, обрабатывать», где этимологически просматривается смысловая дистрибуция термина в виде таких компонентов, как «деятельность», «творчество», «смысл» [5, 270].

Основы информационно-деятельностного подхода к пониманию культуры заложены в фундаментальных трудах таких ученых, как Э.С.Маркарян, Ю.М.Лотман, Э.В.Соколов и др. Предлага-

емые ими толкования сущности культуры в большей или меньшей степени ориентированы на ее генетические и функциональные связи с языковой деятельностью. Так Ю.М.Лотман рассматривает культуру как совокупность внегенетически приобретенной информации, способов ее организации и хранения, подчеркивая при этом роль языка в генезисе и дальнейшем развитии культуры. Информационно-деятельностная специфика человеческого общества заключается в наличии особых систем накопления, хранения и передачи коллективной информации, важнейшей из которых является язык.

Особая роль языка обуславливается еще и тем, что он служит предпосылкой возникновения культуры, основным способом ее существования и развития. Именно язык является главным условием и средством выполнения культурой ее основных функций: а) освоения и преобразования окружающего мира, б) коммуникативной (обмена социально значимой информацией), в) языкового (знакового) моделирования картины мира, г) кумулятивной (накопления и хранения информации), д) регулятивной (регламентирующей поведение людей в обществе), е) директивной, или воздействующей, ж) адаптивной (обеспечивающей гармонию «коллективного Я» (этноязыкового сообщества) с окружающим миром) [5, 270].

Однако решить проблему взаимосвязи исследуемых явлений возможно только при условии воссоздания недостающего элемента в цепи «язык» и «культура» — сознания. Накопление и переработка информации, получаемой в процессе человеческой деятельности, по утверждению Е.И.Кукушкиной, являются функциями общественного сознания. В результате трудовой деятельности создаются образы обыденного сознания, вторичное преобразование мыслительного содержания служит источником творческого, воображаемого мировосприятия, развивающего формы первичного освоения мира. Творческое же преобразование опытных данных осуществляется главным образом посредством лингвокреативного мышления. В связи с этим целесообразно различать понятия «когнитивное сознание» и «языковое сознание» (Ю.Н.Караулов). Если первое включает в свой состав результаты когниции, то второе, кроме мыслительных, интегрирует в себе и другие формы отражения окружающего мира — эмоциональные, эстетические, экспрессивно-оценочные и т.п. [5, 271].

В течение долгого времени в лингвистике господствует концепция, согласно которой когнитивные структуры и языковые категории находятся в отношении прямого тождества. Отсюда ошибочное утверждение об однопорядковости категорий языка и культуры. Все, что вербализуется знаками естественного языка, поскольку фильтруется речемышлением и отбирается сознанием, оказывается культурно значимым. Это позволяет некоторым ученым рассматривать все четыре феномена — язык, мышление, сознание и культуру — как разные ипостаси единой лингвоментальной сущности. Данная формула служит методологическим принципом «вербалистской» концепции менталингвистики в целом и лингвокультурологии в частности. Так Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров убеждены, что «мышление ... всегда протекает в вербальных формах, даже если оно достигает высокого уровня абстракции» [5, 272].

В противовес данной позиции сторонники авербалистской концепции утверждают, что мысль присутствует в сознании говорящего до того, как начнется процесс вербализации. Они исходят из того, что мышление всегда опосредовано знаковыми структурами, которые не всегда являются языковыми. По утверждению Н.И.Жинкина, существует особый универсальный «язык» мысли, так называемый универсальный предметный код (УПК), обладающий невербальной природой. Универсальность его заключается в том, что он един для всех людей вне зависимости от их принадлежности к тому или иному этноязыковому сообществу. Дж.Фодор определяет данный «язык» как врожденные когнитивные примитивы, единые для всех народов безотносительно к их этническим языкам.

Подобного рода толкования относительно вербальности или же авербальности мышления способствовали соответственно и различному пониманию соотношения языка и картины мира.

«Сторонники вербалистской концепции утверждают, что существует единая картина мира, и говорить о наличии еще языковой картины мира бессмысленно. С точки зрения авербалистов, понятие «языковая картина мира» является для лингвокультурологии базовым. Если для сторонников вербалистской доктрины отражение нашим сознанием действительности не зависит от этноязыковой системы, поскольку когнитивные процессы для всех людей являются универсальными, то для их оппонентов языковая кар-

тина мира по особому его членит и структурирует, корректируя, таким образом, концептуализацию и категоризацию действительности» [5, 273].

В основу теории языковой картины мира положены постулаты об инвариантности когнитивных и вариативности языковых категорий, участвующих в формировании языковой картины мира. Иными словами, остовом любой знаковой картины мира является когнитивная модель действительности, структурированная при помощи таких невербальных средств, как универсальный предметный код (УПК, по Н.И.Жинкину) или «язык» когнитивных примитивов (по Дж.Фодору). Этнические языки лишь переводят инвариантный код в соответствующие этнокультурные варианты.

В настоящее время ведутся споры о том, насколько язык определяет стиль и образ мышления. Так, экспериментальные исследования П.Тулльviste показали, что различия в мышлении обусловлены «различиями не между языками, а между распространенными в той или иной культуре видами деятельности», поэтому в данном случае следует говорить не о лингвистической, а о «деятельностной относительности». Таким образом, «различия в мировосприятии разными этноязыковыми сообществами не отрицаются, однако причина этих различий усматривается не в хитросплетениях национально-языкового устройства, а в специфике жизнедеятельности того или иного народа. А это уже вторжение в мир когнитивный, который в представлении большинства ученых, един, универсален для всех людей, говорящих на разных языках и наречиях» [5,275].

Некоторые современные когнитологи отстаивают идею детерминированности процессов познания не столько на основании языковых, сколько культурных факторов. И все же господство первого или второго фактора, по мнению Н.Ф.Алефиренко, следует рассматривать как тенденцию. Так, в лингвокультурологии последнего десятилетия 20-ого века было убедительно показано влияние языковых категорий на этнокультурное восприятие внешнего и внутреннего мира человека (компарационные цепочки Ю.А.Сорокина), на осмысление пространственно-временных координат разными этнокультурными сообществами.

Итак, различия в мировосприятии разных этнических сообществ в той или иной мере связаны с различиями их культур и языков. И это следует воспринимать как доказанный факт. Можно лишь обсуждать вопрос о значимости одного и другого в процессе познания мира, а также об их роли и механизмах в категоризации и концептуализации действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сенцр Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
2. *Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. М.: Валент Р., 2003. 190с.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.
4. *Гуревич П.С.* Культурология. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2003. 280с.
5. *Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта, 2005. 416с.